

Н. Н. ЛЫСЕНКО

**НЕОБОЛЬШЕВИЗМ: ОПАСНОСТЬ ДИСКУРСА
ПО РЕАБИЛИТАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕРРОРА
РЕЖИМА РКП(Б)-ВКП(Б)**

Функционирование науки как формы интеллектуального бытия человечества невозможно вне критериев объективности, честности и свободы в оценке исследованных фактов. Сегодня российская историческая наука (по крайней мере, ее официальная часть) в сфере обеспечения потенциальной возможности для исследователей — объективно, честно и свободно освещать острые внутрirosсийские этнополитические коллизии советской эпохи — немногим отличается, к сожалению, в лучшую сторону от советской предшественницы. Над стремящимся к постижению исторической правды российским исследователем почти в тех же формах, как и в советские времена, довлеют бытовая скудость (в сравнении с коллегами на Западе — практически нищета) и произвол администраторов «от науки». Именно эти факторы предопределяют для абсолютного большинства российских историков необходимость четко соотносить собствен-

ные научные представления с утвержденным свыше государственным идеологическим канонем. Только неукоснительное следование в русле признанного свыше «единственно правильным» идеологического тренда может обеспечить конкретному исследователю гарантированное, более-менее достойное место в государственной научно-преподавательской иерархии. В такой ситуации для российской исторической науки (а вместе с ней — и для современного общественного сознания в целом) неизбежен, по-видимому, сдвиг вправо — к принципиальному «охранительству» любых формаций административно-государственной системы в России, и даже к ретушированию ее былых (и современных) пороков.

Эта печальная, но объективно усиливающаяся тенденция предопределена, помимо прочего, еще следующим обстоятельством. После произошедших в распадающемся СССР в 90-е годы XX века эпохальных событий, в Российской Федерации осталось немало людей, занимавших весьма ответственные государственные и общественные посты, которые были категорически против полного развенчивания советского режима РКП(б)-ВКП(б) как власти органически анτισлавянской, фактически оккупационной. Хотя эти люди действовали в высших эшелонах государственной власти постперестроечной России, однако в данной своей позиции они опирались не столько на элитарные круги общества, сколько на широчайшие слои так называемого «русскоязычного» населения. Именно многомиллионный массив «советойдов» во всех социальных эшелонах страны, которые уже в 70-х годах XX столетия практически утратили все связи с былым русским этнокультурным базисом, и стал социальным заказчиком постепенно происходящего в современной Российской Федерации неолевостовского ренессанса.

Ростовский исследователь А. Н. Усенко, размышляя о генезисе общественного сознания современной России, справедливо отмечает, что «в конце 90-х годов широкие слои общества открыто обнаружили свою морально-психологическую усталость от постоянной критики тоталитаризма и многочисленных разоблачений сталинской эпохи» [1]. Этнополитическая инфантильность основной массы русскоязычного населения сделала, к сожалению, безрезультатными настойчивые попытки некоторых известных общественных деятелей (например, А. И. Солженицына) призвать руководство Кремля к политике осознанного формирования русской политической нации, к обустройству России в форме современного национального государства. Статья Александра Исаевича Солженицына «Как нам обустроить Россию?» была опубликована 18 сентября 1990 года одновременно в «Литературной газете» и «Комсомольской правде». Общий тираж двух изданий достиг фантастической, даже для позднего

Советского Союза, величины — 27 млн экземпляров. Однако кремлевская элита и широкие слои русского этносоциума остались, в сущности, глухи к основной идее политического манифеста Солженицына: воссоздать национальную государственность России, а на основе единства «национальной модели общества» сохранить стратегический союз трех славянских республик бывшего СССР и Казахстана. Позднее Александр Солженицын с горечью признавал: «Услышан я, к сожалению, не был. Не был понят».

Феномен упрямой, можно сказать, органичной «советскости» славянского, преимущественно русского населения России еще ожидает своего вдумчивого исследователя. Парадоксально, но является фактом: значительная часть русского населения (в отличие от всех прочих народов бывшего СССР) вплоть до сегодняшнего дня готова защищать изваяния Ленина и прочих вождей большевизма на улицах своих городов, требовать политической реабилитации кровавых палачей ВЧК, подобных Феликсу Дзержинскому, искренне превозносить «гений» Сталина и т. п. При этом «русскоязычные» старательно не замечают очевидный факт, что именно русский народ являлся, наряду с другими восточнославянскими народами, основным объектом чудовищных этнополитических экспериментов большевизма. Забывается также, причем, как ни странно, в первую очередь современными русскими людьми, что богатейшее национальное достояние имперской России стало объектом самого масштабного разграбления, учиненного в 1920-1930-х годах советским режимом РКП(б)-ВКП(б).

Логичным результатом общественного запроса на неолышевизм стало постепенное свертывание в Российской Федерации систематических архивных и научных исследований преступлений советского режима РКП(б)-ВКП(б). И напротив, резкое увеличение числа публикаций, в которых заведомо антигуманные, террористические деяния административно-карательной машины большевиков получили своего рода «реабилитацию» — мол, в сложные годы революции и Гражданской войны распадающуюся Россию иначе, чем гекатомбой трупов и потоками крови, заново скрепить было невозможно [2].

Позднее, в 2000-е годы стали появляться целевые работы, в которых деятельность репрессивных органов советского режима и оккупационные, карательные практики Красной армии уже не только не осуждались, но, наоборот, выставлялись как некий образец государственной добродетели. В этих же штудиях непримиримые борцы с советским режимом — совершенно в духе большевистских представлений 1920-1930-х годов — стали именоваться не «повстанцами», но «бандитами», а последовательная антисоветская деятельность обездоленных, терроризированных советским режимом людей стала объясняться только одной — махрово-уголовной — мотивацией.

Вот как, например, характеризуется в недавней небольшевистской компиляции деятельность казацких «бело-зеленых» повстанцев на Дону в период Малой Гражданской войны. «На территории Донского края в 1920-1921 годах, — утверждает краевед Ю. И. Галкин, — действовало более 100 известных по названиям и безымянных банд, одни зарождались на месте, другие были проходящими, одни имели в своем составе 10-20 человек, а некоторые насчитывали сотни и тысячи человек. <...> Злостные дезертиры, грабители, убийцы составляли небольшое, но крепкое ядро любой банды. По окончании боевых действий мятежное крестьянство обыкновенно оставалось на месте, прятало до случая оружие, а уголовное ядро вместе со своим «батской» перебазировалось в следующий район и снова обростало повстанцами нового района. Волна восстаний перекачивалась из района в район и в этом секрет неуловимости бандитов, их живучести и тех трудностей, какие приходилось испытывать Красной Армии в борьбе с бандитизмом» [3].

Вот в чем, оказывается, заключалась истинная причина неистребимости антибольшевистского сопротивления в период Малой Гражданской войны 1921-1923 годов на Юге России — отнюдь не в массовой поддержке борцов-антикоммунистов со стороны ограбленных и терроризированных советским режимом селян, а в «перекачивании уголовного ядра» из района в район! На фоне подобных откровений уже не приходится удивляться тому, что с рубежа 2000-х в Российской Федерации стала в целом переосмысливаться террористическая деятельность ОГПУ-НКВД, а чекистские палачи в некоторых историографических штудиях неожиданно предстают в тогах высокоидейных «борцов в рамках законности» [4].

С особой рельефностью указанные небольшевистские тенденции проявились, в частности, в вопросе квалификации массового государственного террора режима РКП(б)-ВКП(б) против казацкого населения Советской России. В иных случаях концептуальные кульбиты, на которые подчас оказываются способны российские историографы, могут поразить даже самое зачерствелое воображение. «Ученые, мыслители, доценты с кандидатами», — как пел когда-то незабвенный бард Владимир Высоцкий, — которые еще вчера всерьез изучали этнические особенности казаков как самобытного этнокультурного сообщества, вмиг обнаружили, что казаки, оказывается, всегда являлись только «полиэтнической общностью», да и вообще, в этнокультурном отношении, были «русскими». Словосочетание «геноцид казаков» фактически тотально было заменено в российском научном лексиконе невнятным термином «расказачивание», или — при описании особо кровавых зверств большевистских карателей — термином «репрессии». «В современных условиях, — замечает по схожему поводу историк С. М. Маркедонов, — невозможно говорить

о прямом влиянии государственных установок на историческую науку. Но заметно косвенное воздействие на взгляды историков государственных концепций возрождения казачества, проявляющееся в нарочитом спрямлении острых углов казачьей истории» [5].

Удивительно, но является фактом: мужество утверждать, что так называемые репрессии советского режима против казаков являлись на самом деле массовым государственным террором и геноцидом, сохранили в России в основном ученые неславянского происхождения [6].

В отличие от своих последовательных кавказских коллег, некоторые историографы с органично славянскими фамилиями демонстрируют ныне склонность к поразительной концептуальной лабильности. «24 января 1919 года Оргбюро ЦК РКП(б) приняло директиву об отношении к казачеству, — отмечал в 2000 году известный исследователь «казачьего вопроса» профессор С. А. Кислицын, — в которой предписывалось проведение активной репрессивной политики в отношении контрреволюционной части казачества. Однако эта мера, в общем логичная для жесткой гражданской войны, была изложена в формулировке, позволяющей трактовать эту директиву как указание **проводить огульное уничтожение казачества как народа** [выделено нами. — *Н. Л.*].» Ниже, в резюмирующей части этой статьи, С. А. Кислицын констатировал: «Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в 1919 году большевизм осуществил массовый антиказачий террор на **ГРАНИ геноцида** [выделено автором. — *Н. Л.*]. Представляется, что эта формула — «террор на грани геноцида» позволяет наиболее адекватно передать смысл данных событий» [7].

Таким образом, в 2000 году известный российский историк фактически признавал казаков отдельным народом, а в вопросе квалификации массового «красного» террора против них занимал некую промежуточную позицию, не исключавшую, в принципе, признание антиказацкого государственного террора режима РКП(б)-ВКП(б) именно преступлением геноцида.

С тех пор прошло более пятнадцати лет. За это время было опубликовано немало вновь открытых архивных документов, которые со всей очевидностью свидетельствуют, что так называемые репрессии советского режима против казаков не только находились «на грани геноцида», но и далеко перешли все мыслимые границы нечеловеческого зверства, являлись в полной мере **преступлением против человечества**.

Изменилась ли за эти годы научная позиция ростовского профессора?

В полном соответствии с четко обозначившимся в первом десятилетии 2000-х годов идеологическим необольшевистским трендом, о котором мы упоминали выше, С. А. Кислицын окончательно «самоопределился» со своей трактовкой вышеуказанной этнополитической дилеммы. «Не было геноцида казаков в прямом смысле этого понятия, — резюмирует

свои 15-летние научные штудии ростовский историк. — Если использовать это понятие, то надо говорить об общей геноцидальной ситуации в период кульминационного обострения Гражданской войны, когда одна часть русского народа неистово уничтожала другую» [8].

Способ решения «неудобной» в современной Российской Федерации дилеммы: осуществлял ли советский режим геноцид народа казаков или дело все-таки ограничилось одними лишь ситуативными кровавыми коллизиями, объективно детерминированными Гражданской войной? — был, таким образом, успешно найден. Безупречная, на первый взгляд, логика С. А. Кислицына со всей очевидностью демонстрирует свою тенденциозную направленность. Действительно, если рассматривать казаков как «часть русского народа», то, с учетом имеющихся прецедентов международного права, применять понятие «геноцид» для классификации преступных деяний советского режима в отношении казачьего населения России станет значительно сложнее.

В 2009 году партийное издательство КПРФ выпустило в свет монографию Павла Голуба «Правда и ложь о «рассказывании» казаков» [9]. По большому счету, если исключить интересующий нас неольшевистский контент, это тенденциозное творение партийного историка современных коммунистов вообще не заслуживает научного анализа. Монография П. А. Голуба де-факто является весьма поверхностным и демонстративно тенденциозным конспектом неольшевистских воззрений автора на отдельные политические и военно-стратегические аспекты борьбы между советским режимом и Войсковыми правительствами Дона. Одновременно на очень узком и, по-видимому, специально отобранном материале П. А. Голуб пытается доказать «антиказацкую» сущность социально-экономической политики войсковых атаманов А. М. Каледина и П. Н. Краснова [9, с. 47]. Последнее, ввиду отсутствия сколько-нибудь значимых исторических свидетельств, удается автору с явным трудом, а потому профессиональный анализ вышеуказанной деятельности Войсковых правительств Дона П. А. Голуб последовательно заменяет голословными обвинениями и яростными «филиппиками» в манере незадачливого агитатора колхозной ячейки РКП(б).

Так, например, историк от КПРФ искренне считает, что «самодержец Краснов сочинял мифы», а свою деятельность на Дону демократически избранный войсковой атаман осуществлял «с сатанинской энергией» [9, с. 52, 69]. Аналогичным образом, — бездоказательно и нарочито грубо, — характеризуется П. А. Голубом трагическая фигура войскового атамана Алексея Каледина. «Атаман-печаль», человечность, мягкость и нерешительность которого отмечали буквально все очевидцы, согласно П. А. Голубу, — «мечтал о лаврах палача Парижской коммуны Адольфа

Тьера, планируя столь же зверски расправиться с Российской коммуной» [9, с. 25]. Каким таинственным образом П. А. Голуб сумел узнать о подобных умонастроениях и планах атамана Каледина — остается только догадываться, поскольку никаких ссылок на исторические источники в этой части своих построений пропагандист КПРФ, увы, не привел.

Впрочем, указанному, странному для профессионального историка обстоятельству удивляться не приходится. Нарочитое хамство, бездоказательность и грубые подтасовки исторических материалов составляют в совокупности своеобразный «стиль Голуба», который целиком и полностью противоречит общепринятым нормам методологии исторической науки. Даже основной объект своего «исследования» — казаков — П. А. Голуб умудряется многократно заклеить грубым прозвищем революционной поры — «мятежной черкасской» [9, с. 50].

Крепко достается от П. А. Голуба и коллегам-историкам. Крупные академические ученые, в частности доктор исторических наук, ведущий сотрудник Института российской истории РАН В. П. Данилов и его канадский коллега, исследователь с мировым именем Линн Виола, представлены в «труде» историка-коммуниста как безликие подмастерья западных спецслужб (sic!). Идея опубликовать в Российской Федерации академическое многотомное собрание исторических документов советского режима «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание (1927-1939 гг.)» принадлежит, по мнению Голуба, отнюдь не российским исследователям. Эту «подрывную идею» подсказали, конечно же, злые вороги — «специалисты из-за рубежа», преследующие коварную цель «перекрасить советское прошлое в густой черный цвет!» [9, с. 8-9].

Не гнушается в своем «исследовании» П. А. Голуб и откровенно тенденциозных, не допустимых для профессионального историка «умолчаний». Например, на странице 85-й своего трактата историк-коммунист с апломбом утверждает, что на территории Всевеликого войска Донского, причем в тылу, оказалось более чем 30 000 казаков, которых администрация ВВД якобы «рассказачила» за их поддержку режима РКП(б). При этом, как считает историк-пропагандист, к этим десяткам тысяч «рассказаченных» атаманом Красновым в ходе наступления Донской армии в 1918 году «добавились тысячи тех, кто подвергся этой экзекуции на фронте за переход на сторону советских войск». Автор привычно опускает необходимость подтвердить собственные умозаключения (вернее сказать, домыслы) хотя бы какими-то ссылками на авторитетные исторические источники. Логично предположить, применив марксистский сленг, что таких источников в «объективной реальности коммуниста» попросту не имеется. Отсутствие источников П. А. Голуб весьма неуклюже пытается компенсировать собственными, прямо сказать, дилетантскими расчетами,

коих правдоподобность, по собственному признанию пропагандиста, «не претендует на абсолютную точность» [9, с. 81, 85].

Подобными произвольными, фантазийными подтасовками фактов пропагандистский опус П. А. Голуба буквально переполнен. На странице 35-й своего трактата пропагандист утверждает, что казацкие отряды Каледина, выполняя полицейские функции по наведению порядка и восстановлению административного управления в Таганроге, «убили около 90 рабочих». При этом полностью опускается важнейшее обстоятельство, что эти «около 90» человек являлись не только рабочими, но одновременно — вооруженными боевиками мятежных красных отрядов, в составе которых пытались методами жесточайшего насилия и террора установить политический режим большевиков в Таганроге [10]. Весьма симптоматично, что, проливая без преувеличения «крокодиловы слезы» по поводу убитых в боях с казаками в Таганроге красных террористов, П. А. Голуб ни словом не упоминает о той жуткой, массовой, вот уж действительно — сатанинской резне, которую в начале 1918 года учинили в этом городе и вообще на Дону красногвардейцы экспедиционного корпуса Рудольфа Сиверса.

Захватив Ростов-на-Дону практически без сопротивления, красногвардейцы Сиверса буквально утопили город в крови. Без суда и следствия расстреливались офицеры, священники, члены семей добровольцев, которые ушли вместе с Лавром Корниловым в Ледяной поход на Кубань. Безжалостно убивали даже детей из семей офицеров. Кадетская форма на 14-летнем подростке означала его неминуемую гибель. Раненых офицеров, лежащих в лазаретах Ростова, выволакивали за кровотокащие бинты на улицу, добивали штыками, раскалывали им головы ударами прикладов. Город Таганрог армия Ф. Сиверса не могла захватить на протяжении четырех дней, поэтому здесь большевики зверствовали еще сильнее. В пылающую доменную печь местного металлургического завода красногвардейцы последовательно сбросили около 50 человек, в основном офицеров и юнкеров, предварительно связав им руки и ноги [11]. Здесь же, в Таганроге, верного патриота России, генерала Павла Корниловича Ренненкампа, после целого месяца тяжких издевательств, большевики вывезли ночью к одному из кладбищ, выкололи 63-летнему старику штыком глаза и расстреляли. Утром следующего дня в собственном доме красной солдатней была зверски убита 17-летняя Ольга Ренненкампф, приемная дочь несчастного генерала.

После казацкого Вешенского восстания в мае 1918 года и изгнания «Социалистической армии» Сиверса из Таганрога на некоторых большевистских могильниках были произведены вскрытия и профессиональные медико-полицейские осмотры трупов. Всего было обнаружено более 100 трупов — в основном все убитые оказались офицерами, юнкерами,

кадетами в возрасте 15-16 лет, среди погибших опознали одного рабочего. Обнаруженные жертвы большевистских палачей не исчерпывали, увы, долгий список загубленных жизней: убийцы стремились, по возможности, скрывать следы своих преступлений. Много человеческих тел было сожжено в заводских топках, съедено на окраинах Таганрога бродячими собаками или закопано в тщательно скрытых могильниках, которые не удалось обнаружить. По некоторым данным, до мая 1918 года красное воинство Рудольфа Сиверса уничтожило в Области войска Донского около двух тысяч одних только офицеров, не считая членов семей добровольцев и лиц из других социальных слоев. Обо всех этих страшных обстоятельствах историк-необольшевик П. А. Голуб предпочитает, разумеется, умалчивать.

Аналогичные чудовищные насилия осуществлялись в 1918 году «народным» советским режимом и в Новочеркасске — столице Войска Донского. Будущий генерал Донской армии И. А. Поляков, переодевшись босяком и выдавая себя за сочувствующего большевикам русского обывателя, имел тяжкую возможность воочию наблюдать некоторые зверства революционной черни.

«Особенно усердствовали в жестокостях латыши, мадьяры и матросы, — отмечает в своих мемуарах И. А. Поляков. — Мне памятен случай, как мальчишка 15-16 лет в матросской форме, вооруженный до зубов, едва держась в седле, предводительствовал группой солдат, совершавших обыски на Базарной улице. Истерически крича, он требовал всех арестованных немедленно приканчивать на месте. Было только непонятно — за какие заслуги и почему этот юнец пользуется таким авторитетом среди здоровенных солдат. Когда один из последних, видимо, не согласился с ним относительно одного арестованного, по-видимому, еще большего юнца-ребенка, он выхватил маузер и выстрелил в несчастного мальчика сам. Но, не умея обращаться с оружием, сделал это так неудачно, что оружие выпало у него из рук. Тогда, скатившись с коня, он подхватил револьвер и, стреляя в упор, прикончил свою несчастную жертву. Даже на красногвардейцев-палачей, как я заметил, это зверское убийство произвело отвратительное впечатление».

Ниже И. А. Поляков указывает, что несколько раз был очевидцем бесчеловечных расстрелов в городских дворах в Новочеркасске, когда «несчастных людей в одном белье вытаскивали на улицу и пристреливали здесь же на глазах жен, матерей, сестер и детей». Всего же, по подсчетам позднейшей администрации Всевеликого войска Донского, в одном только Новочеркасске, в период с 12 февраля по 1 апреля 1918 года, было расстреляно около 600 офицеров, не считая казацких повстанцев (так называемых «пар-

тизан») и других лиц [12]. Обо всех этих страшных обстоятельствах историк-необольшевик П. А. Голуб предпочитает, разумеется, умалчивать.

Бессудные расстрелы, грабежи и дискриминация, обрушившиеся на донских казаков зимой-весной 1918 года, являлись только бледной тенью того массового кровавого террора, который вынуждены были претерпевать в этот же период казаки Кубани. Известный российский историк П. Н. Стрелянов (Калабухов) на основе материалов Российского государственного военного архива (РГВА) и материалов Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков ВСЮР составил краткую (далеко не полную) сводку преступлений войск Красной гвардии и местных «иногородних» банд против коренного казачьего населения края. На кубанском примере наиболее отчетливо просматривается изначально этноцидальный характер террора инонациональных, по отношению к казакам, красногвардейских формирований. Важно отметить, что из списка П. Н. Стрелянова (Калабухова) специально исключены все факты, которые могут быть расценены как уголовные преступления, не имеющие отчетливо геноцидального характера (грабежи, издевательства, не сопровождающиеся тягчайшими увечьями или убийствами, «социализации» — узаконенные оккупационной властью РКП(б) массовые изнасилования женщин и т. п.) [13]. Чудовищные преступления большевиков только за один 1918 год, убедительно подтверждаемые архивными источниками, потрясают...

В других регионах рухнувшей Российской империи, например в Забайкалье, советская власть уже в самом начале 1918 года (а тем более в дальнейшем) также не церемонилась с казаками. Старожил бывшей станции Желтуринской Забайкальского войска Ф. Н. Бальчугов сообщил местным краеведам, какими методами устанавливался в казачьих станицах советский режим.

«Раньше их [казачков. — Н. Л.], в 1918 году, всех позабрали... В Александровский централ — это в Иркутску тюрьму! Ни слуху, ни духу! Раньше машины никакие не ходили, радио не было. И вот, старухи тоже, но не старухи, конечно, тогда оне молоды были, собрались. <...> Ну, уехали туды, в Иркутск, доехали. Порасспрашивали, а там их [арестованных казачков] уже кончали. Не расстреляли, а просто чурками убили! Глаза завяжут, загонят, да и... Иркутянка одна рассказывала, как их, вот этих казачков убивали-то. Патроны не тратили» [14].

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнем: актуализация, укрепление в общественном сознании нашей страны необольшевистского дискурса потенциально чревато крайней опасностью. Уже сегодня, благодаря нежеланию (или инфантильности) решительно перерезать «пуповину», связывающую современную систему государственной власти России с больше-

визмом, страна осталась без внятной, конкурентоспособной в XXI столетии национальной идеологии. Российская держава, чье народонаселение более чем на 80% состоит из славян, до сих пор не может преодолеть в сфере идеологии и, соответственно, в образовательной сфере всех последствий былых мифологем советского интернационализма — фактически антирусских и антиславянских. Более чем странной инициативой по ретушированию реального образа режима РКП(б)-ВКП(б) стала фактическая установка Министерства образования и науки России на изъятие из новых школьных учебников всех сколько-нибудь значимых сведений о массовых, кровавых преступлениях большевизма. В результате, по данным Левада-Центра, примерно половина граждан России демонстрирует терпимое отношение к истории террористического произвола советских органов госбезопасности, наряду с полным равнодушием вообще к трагическим страницам истории Отечества, связанным с деятельностью режима РКП(б)-ВКП(б). При этом четверть опрошенных респондентов считают государственный террор в СССР исторически оправданным событием [15].

«В российском обществе, — констатирует в этой связи кубанский историк А. Ю. Рожков, — до сих пор публично не осуждена политика государственного террора и массовых репрессий, в частности, инициаторов и исполнителей Голодомора. **Забвение советской разновидности «маккартизма» грозит нашему обществу устойчивым манкуртизмом, в результате чего мы рискуем надолго остаться народом со спутанной коллективной и национальной идентичностью** [выделено нами. — *Н. Л.*]» [16].

Таким образом, в национально-государственном аспекте попытка скрестить «ужа и ежа» — чуть приоткрыть преступления большевизма и тут же их оправдать для сохранения мнимого авторитета власти и пресловутых «державных скреп» — уже оказало современной России самую черную услугу. Весьма вероятно, что в среднесрочной перспективе именно фактор необольшевизма и связанная с ним разбалансировка массового общественного сознания станет причиной нового, очень серьезного по последствиям кризиса российской государственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Усенко А. Н. Массовые политические репрессии 1930-х гг. на Дону: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Ростов н/Д, 2006. — С. 15.
2. Впервые, насколько нам известно, осторожную попытку реабилитации тоталитарного режима РКП(б)-ВКП(б) предприняли сотрудники журнала «Полис» в 1995 г. См.: Полис. — 1995. —

- № 2. — С. 147. Впоследствии число подобных публикаций существенно возросло. См. подробнее: Доронченков А. И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. — СПб., 2001. — С. 62; Козлов В. А. Российский посткоммунистический синдром: «разрушенное прошлое» и кризис советской идентичности // ОНС. — 2003. — № 4. — С. 81-97.
3. Галкин Ю. И. Сборник документов о Гражданской войне в Донском крае, на Кубани и Приазовье в 1920-1921 гг. — М., 2004. — С. 5-6.
 4. См., напр.: 80 лет на страже Родины. Управление Федеральной службы безопасности по Хабаровскому краю. 1921-2001. — Хабаровск, 2001; Епихин А. Ю., Мозохин О. Б. ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921-1928). — М., 2007; Север А. Великая миссия НКВД. — М., 2008.
 5. Маркедонов С. М. Казачество: единство или многообразие? Проблемы терминологии и типологизации казачьих сообществ // Общественные науки и современность. — 2005. — № 1. — С. 97.
 6. Алиев И. И. Этнические репрессии. — М.: Радиософт, 2008. — С. 106-110; Дзидзоев В. Д. Национальная политика: уроки опыта. — Владикавказ: Алания, 2007. — С. 138.
 7. Кислицын С. А. К вопросу о понятиях: геноцид казачества или антиказачий террор на грани геноцида // Казачий сборник. Вып. 2. — Ростов н/Д: Изд-во ДЮОИ, 2000. — С. 71, 80-81.
 8. Кислицын С. А. Указ и шашка: политическая власть и донские казаки в первой половине XX в. — 2-е изд., испр. — М.: ЛЕ-НАНД, 2015. — С. 339.
 9. Голуб П. А. Правда и ложь о «расказачивании» казаков. — М., 2009.
 10. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. — М., 1983. — С. 249.
 11. Об этих и иных фактах массового государственного террора советского режима см.: URL: <http://funeral-spb.ru/necropolis/marsovo/sivers>. См. также: Красный террор на востоке России в 1918-1922 гг. / сост. С. С. Балмасов. — М.: Посев, 2006; Красный террор глазами очевидцев. — М.: Айрис-пресс, 2014; Красный террор на Юге России / предисл., коммент. С. В. Волкова. — М.: Айрис-пресс, 2013; Мельгунов С. П. Красный террор в России. — М.: Айрис-пресс, 2014.
 12. Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками: воспоминания начальника штаба Донских армий генерал-майора

- И. А. Полякова. — М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007. — С. 206-207, 229.
13. См. подробнее: Стрелянов (Калабухов) П. Н. Красный террор на Кубани. 1918-1920 гг. // Кубанский сборник: сб. науч. статей по истории края. Т. 1 (22). — Краснодар: Книга, 2006. — С. 437-454. См. также: РГВА. Управление 9-й Кубанской армии Северо-Кавказского военного округа 1918-1921 гг. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1063. Л. 28, 31; Д. 1064. Л. 38, 39; Д. 1050. Л. 3, 5, 5 об., 6; Российская государственная библиотека. Материалы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем ВСЮР. Д. 2, 5, 10, 15, 18, 43, 44, 116.
 14. Бутусин М. Я. Политика расказачивания // Казачество в истории России и пограничья: материалы межрегион. науч.-практ. конф., г. Улан-Удэ, 4 декабря 2009 г. — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010. — С. 119.
 15. Мухаметшина Е. Злонамеренное безразличие // Ведомости. 2017. 23 мая. См. также: URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/05/23/690964-rossiyane-otnositelno-repressiyam>
 16. Рожков А. Ю. «Мыши съели людей...»: память о голоде 1932-1933 гг. в откликах на публикации И. И. Алексеенко // Историческая память населения Юга России о голоде 1932-1933 гг.: материалы науч.-практ. конф. — Краснодар: Традиция, 2009. — С. 54-55.